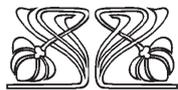
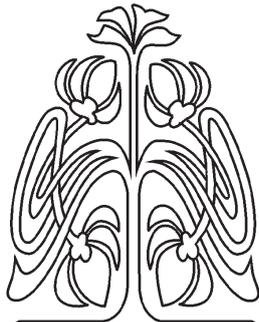
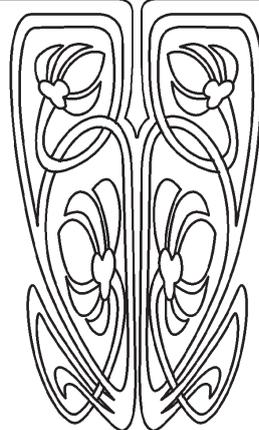

ФИЛОСОФИЯ

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–8

Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–8
<https://phpp.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-4-8>

EDN: ZXCFL

Научная статья
УДК 1(091)+17.0

Этика буддизма в свете западных нормативных этических теорий: деонтология

В. А. Волкова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Волкова Влада Алексеевна, аспирант кафедры истории зарубежной философии, aleksa-vlada@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7840-6842>

Аннотация. Введение. Компаративистские исследования, проводимые внутри молодой дисциплины буддийской этики, оформились вокруг полемики между теми, кто усматривает в буддийской этике консеквенциалистский характер моральной мотивации, и теми, кто отстаивает схожесть этики буддизма с этикой добродетели. Несмотря на то, что такие магистральные исследователи, как Дамьен Кеонун или Чарльз Гудман, не придают деонтологическим чертам в этике буддизма значимой роли, существует немногочисленный лагерь исследователей, защищающих сходство буддийского учения и деонтологии. **Теоретический анализ.** Цель данной статьи – рассмотреть основания, на которых возможно выстраивать защиту сопоставления этики буддизма с деонтологией Канта. Этот анализ должен дать ответ на вопрос, почему деонтологическое прочтение буддийской этики на данный момент имеет наименьшее число сторонников. **Заключение и выводы.** Буддийская этика исходит из иных метафизических предпосылок, нежели этика Канта, и по своему характеру не принимает абсолютизации моральных правил, из-за чего ее проблематично рассматривать в качестве разновидности деонтологической этической теории. Тем не менее подобные компаративистские исследования способствуют лучшему пониманию как буддийского учения, так и, возможно, этической теории Канта.

Ключевые слова: буддийская этика, нормативные этические теории, деонтология, Кант

Для цитирования: Волкова В. А. Этика буддизма в свете западных нормативных этических теорий: деонтология // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 4–8. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-4-8>, EDN: ZXCFL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Buddhist ethics in the context of western normative ethical theories: Deontology

V. A. Volkova

Lomonosov Moscow State University, GSP-1, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Vlada A. Volkova, aleksa-vlada@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7840-6842>

Abstract. Introduction. Comparative studies conducted within the young discipline of Buddhist ethics have taken shape around the controversy between those researchers who see the conse-

quentialist character of moral motivation in it and those who defend the similarity between Buddhist ethics and virtue ethics. Despite the fact that such major scholars as Damien Keown or Charles Goodman do not attach much importance to deontological features in Buddhist ethics, there is a small camp of researchers who defend the similarity between Buddhist teaching and deontology. *Theoretical analysis.* The purpose of this article is to critically examine the grounds on which it is possible to build a defense of comparing the ethics of Buddhism with Kant's deontology. This analysis should answer the question why the deontological interpretation of Buddhist ethics currently has the least number of supporters. *Conclusion.* The conclusion is that Buddhist ethics proceeds from other metaphysical premises than Kant's ethics, and by its nature does not accept the absolutization of moral rules, which is why it is problematic to consider it as a kind of deontological ethical theory. Nevertheless, such comparative studies contribute to a better understanding of both Buddhist teaching and, possibly, Kant's ethical theory.

Keywords: Buddhist ethics, normative ethical theories, deontology, Kant

For citation: Volkova V. A. Buddhist ethics in the context of western normative ethical theories: Deontology. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 4–8 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2023-23-1-4-8>, EDN: ZXCFL

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Деонтология (букв. – учение о должном) – одна из основных западных этических нормативных теорий. Ее сторонники придерживаются взгляда, согласно которому «определенные действия могут быть правильными, даже если они не максимизируют хорошие последствия, поскольку правильность таких действий заключается в том, что они воплощают определенные нормы» [1]. Деонтологические этические системы делают особый акцент на правилах и предписаниях, которые определяют и направляют должное поведение агента.

Деонтологию наиболее часто связывают со взглядами Канта, который сформулировал фундаментальные положения данной этической теории. По Канту действие не обладает моральной ценностью, если оно не происходит из чувства долга и уважения перед моральным законом. Цель этического поведения для Канта заключается в единении морально равных в царстве целей. Под царством он понимает «систематическую связь между различными разумными существами через общие им законы» [2, с. 210]. Понятие цели раскрывается во второй из трех формулировок кантовского категорического императива – объективной и обязательной для исполнения нравственной нормы, играющей важную роль в этике Канта, которая призывает согласовывать поступки с представлением о любом человеке как о цели и никогда как о средстве [2, с. 205].

Теоретический анализ

Среди немногочисленных работ, посвященных рассмотрению структурных параллелей между деонтологией Канта и этикой буддизма, стоит отметить диссертацию Джастина Уитакера, являющуюся, как замечает сам автор, наиболее полным исследованием вопроса на

данный момент [3, р. 5], работу Филиппа Олсона, который сосредоточился на практике медитации в дзен-буддизме и сопоставил кантовское ноуменальное с буддийской пустотностью или свободой от неведения, а мир явлений Канта – с буддийским понятием формы [4], а также статью Майкла Бермана, сравнивающего рациональный элемент мотивации бодхисаттв с категорическим императивом Канта [5].

В буддизме присутствует нечто, напоминающее абсолютизацию моральных правил. Например, фундаментальные этические предписания буддийской этики для мирян – это 5 священных заповедей (райса-śīla), принимающий которые берет на себя обязательство воздерживаться от убийства живых существ; взятия того, что не было дано; прелюбодеяния; неправдивых слов; напитков и средств, вызывающих помутнение сознания. Для монахов количество заповедей больше.

Однако, как подчеркивает Гудман (опираясь на работы Шантидевы, т. е. рассуждая преимущественно об этике махаяны), хотя в буддизме и присутствуют деонтологические черты, они скорее являются частью *утилитаристского образа мышления*: нам может казаться, что определенный поступок, такой как убийство или воровство, в результате может принести большее благо, но мы знаем, что обычно такие поступки приводят к худшим последствиям для всех. Именно поэтому человек, «учитывая свое собственное невежество, эмоциональную растерянность и восприимчивость к различным иррациональным предубеждениям и когнитивным искажениям, может предпочесть следовать скорее регулирующему принципу, такому как “не воруй” или “честность – лучшая стратегия”, чем собственному глубоко ошибочному суждению» [6, с. 213]. Тем не менее Шантидева отмечает, что «Всевидящие Милосердные позволяли совершать даже то, что запрещено» [7, с. 83] – бодхисаттва, обладающий высоким

уровнем мудрости и знающий, а не просто догадывающийся, какое благо и зло принесет нарушение правила, может его нарушить, если тех, кто пострадает, в долгосрочной перспективе ждут лучшие последствия.

Стоит отметить, что сама формулировка буддийских правил звучит не как «я не должен», а как «я принимаю правило учения воздерживаться от». «Абсолютные ценности противоречили бы центральной буддийской доктрине взаимозависимого возникновения (*pratītya samutpāda*), которая подразумевает, что все, включая этические нормы, существует только по отношению к чему-то другому, и поэтому не может быть никаких абсолютов» [8, р. 331–332]. Кроме того, буддийские заповеди коренятся в представлении о благом (*kuśala*) или неблагом (*akuśala*) действию, что определяется наличием или отсутствием у человека омрачений злобы, жадности и неведения, т. е. в первую очередь *намерением* во время совершения действия, что возвращает нас к характерным чертам этики добродетели [9, р. 177].

Несмотря на эти различия, исследователи буддизма отмечали следующие сходства буддийской этики и деонтологии: в обоих этических учениях за добродетелью следует отсутствие страданий и счастье, если не в этой жизни, то после нее [10, р. 126]; в обоих учениях метафизика вторична по отношению к практике (которая понимается как область этического), тем не менее и деонтология и буддизм выдвигают метафизические утверждения, фундирующие их этические представления: у Канта – различие между обусловленным феноменальным миром и высшим ноуменальным миром свободы, в буддизме – различие между реальностью, обусловленной законом кармы, и реальностью нирваны, открывающейся следующему дхарме человеку, в которой преодолена кармическая обусловленность и открыто понимание высших истин [3, р. 125].

Уитакер и Берман выдвигают аргумент в пользу близости кантовской деонтологии и этики буддизма на основании сходства буддийских понятий *kuśala* (благое; присущая действию добродетельность) и *akuśala* (неблагое; присущая действию недобродетельность) с кантовскими понятиями автономии и гетерономии [3, 5].

По Канту для рационального существа быть автономным означает искать основания действовать, выходя из-под влияния эмпирических (т. е. «основывающихся на принципе счастья» [2, с. 220]) и (или) эмоциональных склонностей и желаний [5, р. 63]. Только когда

рациональные существа действуют свободно и автономно, они порождают в себе предписания должного, т. е. моральный закон.

Под гетерономией Кант понимает качество воли, характеризующееся неспособностью использовать интеллект без внешнего руководства: положение, в котором практическую норму определяет не сама воля, а свойство объекта воли. Автономная, по-настоящему нравственная воля руководствуется лишь принципом разума.

В буддизме достижение чистоты сознания (состояния, подобного кантовской автономии) достигается через устранение желания и вместе с ним ложного представления о самости [5, р. 75]. С кантовским пониманием гетерономии Уитакер сравнивает три омрачения (*kleśa*): жадность, ненависть и неведение, как бы извне контролирующих человека [3, р. 147].

Действительно, рациональный аспект буддийской этики – идея работы над разумом для постижения конечной истины, задающей моральную мотивацию, – есть нечто похожее на идею движения к кантовскому идеалу царства целей. Вопрос в том, насколько эти черты являются схожими на более глубоком уровне. Бодхисаттва, который смотрит на мир через сострадание и правильное понимание, осознает пустотность дхарм и истину взаимозависимого возникновения. Пользуясь языком Канта, он познает, что нет ничего, кроме лишенных собственной природы (*nisvabhāva*) гетерономных элементов опыта. Однако тот факт, что все элементы опыта лишены самосуществования, не согласуется с кантовским понятием автономии, которое требует существования у агента умопостигаемого характера и существования самого агента как личности. В то время как бодхисаттва действует с точки зрения понимания условности анатмана и из сострадания, кантианский агент действует с позиции чистого практического разума [5, р. 73]. Кажется, что кантовское понятие разума также не совсем соответствует буддийскому правильному пониманию. Техника, предлагаемая учителями махаяны и Шантидевой, состоит в интуитивном прозрении и *усмирении* ума, достигаемых посредством медитации: «Отбросив все прочие заботы и сосредоточив свой ум на единственном помысле, должен я усердствовать в достижении самадхи и в усмирении ума» [7, с. 125].

Несмотря на некоторые удачные аргументы в пользу схожести двух теорий, различий между буддийской этикой и деонтологией Канта, кажется, намного больше. Их лаконично изло-

жил Гудман: буддисты решительно отрицают трансцендентальное я, чье существование Кант полагал необходимым постулатом практической жизни. Буддисты не выработали понятия свободы воли, которое для Канта играет существенную роль в обосновании возможности морального закона. Буддисты считают, что знание о том, как поступать наилучшим образом, требует *развития* выдающегося уровня мудрости, Кант же настаивал на том, что люди изначально обладают знанием о том, что нужно делать [11, р. 61]. При этом Кант, по-видимому, не считал возможным достижение этического совершенства для человека в этом мире [12, с. 519]. Буддизм предполагает, что оно возможно, хотя может потребовать несколько жизней. По Канту только существа, обладающие рациональной способностью выбирать и преследовать определенные цели, имеют абсолютную ценность. Позиция буддизма более всеобъемлющая, расширяющая обязанности человека до всех чувствующих существ.

На данный момент, как кажется, кроме Уитакера и Андрея-Валентина Бакрау, написавшего магистерскую диссертацию о кантианских чертах этики Шантидевы [13], никто больше в англоязычном исследовательском пространстве не утверждает о преобладании или хотя бы *значимом* наличии в этике буддизма деонтологических черт. Хочется выразить надежду на то, что в будущем появятся новые исследования, глубже развивающие эту тему и выявляющие новые точки схождения и расхождения этих двух учений.

Заключение

Позиция, согласно которой буддистская этика обладает достаточным количеством деонтологических черт, уязвима для критики, но не обосновательна. Исследователи, заявляющие о подобном сходстве, отталкиваются от той значимости, которую буддистские тексты придают работе с омрачающими сознание факторами для *устранения внешнего руководства* и жизни в согласии с моральным законом или дхармой. Также они обращают внимание на наличие в буддизме *конкретных моральных норм и запретов* и тот факт, что оба учения отводят большую роль *общезначимости моральных требований*, выраженных в представлении о равенности всех рациональных существ (у Канта) или всех чувствующих существ (в буддизме).

С нашей точки зрения, в буддизме более выражены характерные черты как этики добро-

детели, так и консеквенциализма. Схожести с деонтологией кантовского типа имеют место, но кажутся менее соответствующими духу буддизма, в первую очередь из-за того, что буддизм не склонен к абсолютизации моральных императивов и не придает *рациональному* руководству такой значимости.

Интересно, что сами буддийские монахи, не принадлежащие напрямую европейской традиции, вовлекаясь в компаративистский диалог, считают, что буддийскую этику бесполезно сравнивать с западными теориями, потому что это самостоятельный феномен: «Чтобы понять природу буддийской этики, буддизм следует исследовать без его сопоставления с западными этическими теориями, поскольку согласно буддийской этике в абсолютном состоянии (paramatman) все пустотно (sūnyata)» [14, р. 10].

Васен также считает, что буддизм не принадлежит к какой-либо семье этических теорий, но что интерпретация буддизма с той или иной позиции может быть более или менее плодотворной для интеграции различных аспектов буддийского учения в единое целое, а также для повышения мотивации выстраивать свою жизнь в соответствии с этим пониманием [8, р. 317].

Закончить данную статью хочется изложением мысли Уитакера: «Хотя такие категории, как этика добродетели, консеквенциализм и деонтология, и развиты на Западе, они не являются единственными для Запада. ... Исследователь может начать с вопроса, может ли буддийская этика быть деонтологической. Изучив аналогичные особенности буддийской или других форм этики, он может выбрать незападное обозначение, например, “дхармический”, а затем спросить: не является ли, например, кантовская этика дхармической? Это тот сдвиг в перспективе, которому способствует компаративистская этика. Теперь мы можем читать западную философию и находить созвучные ей положения в философии Востока» [3, р. 209].

Список литературы

1. Alexander L., Moore M. Deontological Ethics // Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2021 Edition) / ed. by E. N. Zalta. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/ethics-deontological> (дата обращения: 16.09.2022)
2. Кант И. Основоположения метафизики нравов // Кант И. Собрание сочинений : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 153–246.
3. Whitaker J. Ethics as a Path: Kantian Dimensions of Early Buddhist Ethics : Diss. Dr. Sci. (Philos.). Goldsmiths, University of London, 2017. 241 p.

4. Olson P. The Discipline of Freedom: A Kantian View of the Role of Moral Precepts in Zen Practice. New York : SUNY Press, 1993. 246 p.
5. Berman M. A Metaphysics of Morality: Kant and Buddhism // *Canadian Journal of Buddhist Studies*. 2006. № 2. P. 61–81.
6. Goodman C. Śāntideva's Ethics of Impartial Compassion // *Readings of Śāntideva's Guide to Bodhisattva Practice (Bodhicaryāvatāra)* / ed. by J. C. Gold, D. S. Duckworth. New York : Columbia University Press, 2019. P. 209–220. <https://doi.org/10.7312/gold19266-015>
7. Шантидева. Путь Бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара) / пер. с тиб. Ю. Жиронкиной. СПб. : Карма Йеше Палдрон ; Уддияна, 2000. 232 с.
8. Vasen S. M. Buddhist Ethics Compared to Western Ethics // *The Oxford Handbook of Buddhist Ethics* / ed. by D. Cozort, J. M. Shields. Oxford : Oxford University Press, 2018. P. 317–333.
9. Harvey P. An analysis of factors related to the kusala/ akusala quality of actions in the Pāli tradition // *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. 2010. Vol. 33, № 1–2. P. 175–209.
10. Keown D. The Nature of Buddhist Ethics. New York : St. Martin's Press, 1992. xi+269 p.
11. Goodman C. Consequences of Compassion: An Interpretation and Defense of Buddhist Ethics. Oxford : Oxford University Press, 2009. 264 p.
12. Кант И. Критика практического разума // *Кант И. Собрание сочинений* : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 4. С. 373–479.
13. Bacrau A.-V. Śāntideva and Kant: An East-West Comparative Study in Ethics : Diss. Master of arts Buddhist Studies (Philos.). Nalanda University, 2019. 44 p.
14. Chandaratana D. Is Buddhist ethics Deontological or Teleological? (A Review on the Interpretations of the Selected Modern Scholars) // *Pravacana Reviewed Academic Journal*. 2018. Vol. 9, № 1. P. 84–103.
2. Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals. In: Kant I. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Kant I. Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 4, pp. 153–246 (in Russian)
3. Whitaker J. *Ethics as a Path: Kantian Dimensions of Early Buddhist Ethics*. Diss. Dr. Sci. (Philos.). Goldsmiths, University of London, 2017. 241 p.
4. Olson P. *The Discipline of Freedom: A Kantian View of the Role of Moral Precepts in Zen Practice*. New York, SUNY Press, 1993. 246 p.
5. Berman M. A Metaphysics of Morality: Kant and Buddhism. *Canadian Journal of Buddhist Studies*, 2006, no. 2, pp. 61–81.
6. Goodman C. Śāntideva's Ethics of Impartial Compassion. In: Gold J. C., Duckworth D. S., eds. *Readings of Śāntideva's Guide to Bodhisattva Practice (Bodhicaryāvatāra)*. New York, Columbia University Press, 2019, pp. 209–220. <https://doi.org/10.7312/gold19266-015>
7. Śāntideva. *Put' Bodkhisattvy (Bodkhar'ya-avatara)* [The Path of the Bodhisattva (Bodhicharya Avatara)]. St. Petersburg, Karma Yeshe Paldron Publ. ; Uddiyana Publ., 2000. 232 p. (in Russian).
8. Vasen S. M. Buddhist Ethics Compared to Western Ethics. In: Cozort D., Shields J. M., eds. *The Oxford Handbook of Buddhist Ethics*. Oxford, Oxford University Press, 2018, pp. 317–333.
9. Harvey P. An analysis of factors related to the kusala/ akusala quality of actions in the Pāli tradition. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*, 2010, vol. 33, no. 1-2, pp. 175–209.
10. Keown D. *The Nature of Buddhist Ethics*. New York, St. Martin's Press, 1992, xi+269 p.
11. Goodman C. *Consequences of Compassion: An Interpretation and Defense of Buddhist Ethics*. Oxford, Oxford University Press, 2009. 264 p.
12. Kant I. Critique of Practical Reason. In: Kant I. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Kant I. Collected Works: in 8 vols.]. Moscow, Choro Publ., 1994, vol. 4, pp. 373–479 (in Russian).
13. Bacrau A.-V. *Śāntideva and Kant: An East-West Comparative Study in Ethics*. Diss. Master of arts Buddhist Studies (Philos.). Nalanda University, 2019. 44 p.
14. Chandaratana D. Is Buddhist ethics Deontological or Teleological? (A Review on the Interpretations of the Selected Modern Scholars). *Pravacana Reviewed Academic Journal*, 2018, vol. 9, no. 1, pp. 84–103.

References

1. Alexander L., Moore M. Deontological Ethics. In: Zalta E. N., ed. *Stanford Encyclopedia of Philosophy (Winter 2021 Edition)*. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2021/entries/ethics-deontological> (accessed 16 September 2022).

Поступила в редакцию 02.11.2022; одобрена после рецензирования 21.11.2022; принята к публикации 11.01.2023
The article was submitted 02.11.2022; approved after reviewing 21.11.2022; accepted for publication 11.01.2023